

УДК 316.32(075.8)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58

Оксана Александровна Полюшкевич,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: okwook@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Современное прочтение социологии морали

В работе анализируются теоретические концепты и эмпирические инструменты исследования морали, альтруизма, способствующие развитию представлений, убеждений и ценностей о справедливости или её отсутствия и доверия или недоверия себе, окружающим людям и социальным институтам. Актуальность изучения данной проблематики особенно обострилась в период пандемии, когда вопросы морали и этики стали насущными для многих людей в повседневном пространстве при ежедневном выборе собственного поведения, безопасности себя и других во время пандемии и после неё. Указанные фокусы исследования изучаются в рамках междисциплинарного подхода к социологии морали. Показывается, что моральное измерение социальной реальности выступает ключевым маркером общественного воспроизводства. Это положение доказывается как изучением теоретических работ, так и собственными эмпирическими исследованиями автора, проведёнными в 2019–2020 гг. при помощи заполнения дневников на протяжении полугода (165 чел.), где фиксировались моральные эмоции, возникающие в любых жизненных ситуациях, использовалась методика Ш. Шварца для выявления основных ценностей (опрос участников исследования) и фокус-групповые беседы (54 чел.), позволившие выявить несоответствие декларируемых ценностей и ситуационных реакций на разнообразные взаимодействия, опосредованные моральными эмоциями. В статье прослеживается влияние социальной интеракции, производимой через воздействие социальных институтов, вырабатывающих групповые нормы, на поведение индивидов в отдельных ситуациях взаимодействия и групповых реакций в процессе коммуникации и последующих оценок этого процесса. Доказывается, как моральные эмоции либо укрепляют сложившееся функционирование социальных институтов, либо его разрушают, размывая чёткие рамки должного, приемлемого, правильного. Рассматривается, как и почему ситуационные факторы больше воздействуют на нормы и ценности, чем общие представления о нормах морали. Статья может быть интересна философам, социологам и специалистам помогающих профессий для фиксации и рефлексии моральных состояний и трансформаций современной социальной среды.

Ключевые слова: доверие, мораль, альтруизм, ценности, солидарность, групповая идентичность

Oksana A. Polyushkevich,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: okwook@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Modern Reading of the Sociology of Morality

The paper analyzes theoretical concepts and empirical tools for the study of morality, altruism, contributing to the development of ideas, beliefs and values about justice or its absence and trust or distrust in oneself, people around and social institutions. The relevance of studying this issue has become especially acute during a pandemic, when questions of morality and ethics have become urgent for many people in everyday space with the daily choice of their own behavior, the safety of themselves and others during and after a pandemic. These research focuses are studied within the framework of an interdisciplinary approach to the sociology of morality. It is shown that the moral dimension of social reality is a key marker of social reproduction. This position is proved by the appeal of contemporaries within the framework of sociology, psychology, philosophy to these topics, as well as the author's own empirical research conducted in 2019–2020 by filling out diaries for six months (165 people), where moral emotions arising in any life were recorded situations, the methodology of Sh. Schwartz was used to identify the basic values (survey of research participants) and focus group conversations (54 people), which made it possible to identify the discrepancy between the declared values and situational reactions to various interactions mediated by moral emotions. The article traces the influence of social interaction, produced through the influence of social institutions that develop group norms, on the behavior of individuals in certain situations of interaction and group reactions in the process of communication and subsequent assessments of this pro-

© Полюшкевич О. А., 2021

cess. It is proved how moral emotions either strengthen the existing functioning of social institutions or destroy it, eroding the clear framework of what is proper, acceptable, and correct. It also shows how and why situational factors influence norms and values more than general ideas about moral norms. The article may be of interest to philosophers, sociologists and specialists in helping professions for fixing and reflecting on moral states and transformations of the modern social environment.

Keywords: trust, morality, altruism, values, solidarity, group identity

Введение. Для современного социологического научного дискурса тема морали является относительно новой. Безусловно, вопросами норм и долга занимались классики социологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Мосс, Г. Зиммель и др.), но тематика их исследований касалась в основном различных аспектов социальной эволюции. Строго говоря, социология, вплоть до XXI в. не занималась данной тематикой. Мораль как социальное явление практически не изучено в социологическом дискурсе. Социальная психология, напротив, накопила достаточно солидный опыт в категоризации и идентификации моральных представлений, ценностей, установок, отражающихся в когнитивных представлениях или поведенческих реакциях, смогла объяснить причины возникновения и последовательность развития данных явлений индивидуальной и коллективной психологии.

Альтруизм и солидарность выступают следствиями реализации в процессе непосредственных интеракций, тех моральных ценностей и норм, что являются основополагающими для того или иного сообщества. При этом стоит иметь в виду следующие аспекты: 1) социальное взаимодействие всегда имеет моральный каркас, моральное измерение; 2) у индивида или группы всегда есть ресурс и воля для изменения сценария (нарушения норм). В первом случае нормы морали поддерживают существующие социальные институты и связанные с ними социальные практики, во втором – разрушают их, конструируя новые нормы, обладающие более широким форматом определения норм морали и правил взаимодействия. В конкретных социальных практиках это подкрепляется моральными эмоциями, которые возникают как сигнал проявления определённых моральных ожиданий, считается, что эти ожидания себя не оправдали. Палитра моральных эмоций может быть достаточно обширна от любви до ненависти, от стыда до гнева, от покорности до ярости.

Альтруизм, солидарность, сплочённость или групповая идентичность, выступая маркерами морали, обладают своим набором моральных эмоций, которые прояв-

ляются в разных ситуациях в повседневном взаимодействии. Они возможны при условии знания, принятия и соблюдения норм и ценностей (категорий морали). В противном случае мы можем наблюдать эгоизм, дезинтеграцию, социальную разрозненность, слабовыраженную или отсутствующую групповую идентичность, что свидетельствует об отсутствии моральных эмоций, следовательно, разрушении старых норм морали.

Всё, что происходит в обществе, может быть оценено с позиции морали. Хороший человек, работник, гражданин – это моральная оценка человека, позволяющая поддерживать социальный порядок. Если людей, нарушающих нормы больше, чем тех, кто их поддерживает и соблюдает, то мы говорим о снижении в системе морально-ценностных ориентаций и потребности формирования нового мировоззрения, на основе иных ценностей, которые будут приняты большинством сограждан [1; 2].

Солидарность выступает чувством, которое разделяется какой-то группой людей (на основе профессии, убеждений, веры) или всем обществом, она позволяет идентифицировать и противопоставить себя и свою группу Другим. Созвучны данным идеям положения концепций таких учёных, как Ч. Тейлор и К. Смит, полагающих, что человек прежде всего существо моральное [3; 4]. И философ (Тейлор), и социолог (Смит) доказывают идею о том, что моральная позиция позволяет человеку быть личностью, вне зависимости от того, какой тип поведения у него доминирует (альтруистический, эгоистический или просоциальный). В обществе есть моральные коды, которые конкретизируются и определяются в конкретных поступках, оценках, суждениях (это то, что мы можем наблюдать в ситуативно обусловленных оценках и суждениях, тогда как при иных обстоятельствах данные выводы и критерии могли бы быть прямо противоположными).

В разные социально-исторические эпохи, в разных культурах такая моральная категория, как справедливость, считалась одной из главных добродетелей. В рамках социологического дискурса данное явление изучается с позиции построения справедли-

вого общества, в психологическом дискурсе анализируются дистрибутивные (распределение и использование благ) и процессуальные (сами принципы распределения и использования) инструменты практического воссоздания справедливости [5]. Справедливость – феномен, выходящий за рамки индивидуальных и групповых представлений; коллективный феномен, который определяет порядок и нормы внутри группы и воздействует на поведение каждого индивида в отдельности. Справедливость как коллективный феномен обладает более широкими границами должного, чем представления одной группы или человека. Например, справедливость может быть обусловлена порядком выживания вида, тогда интересы и нормы одной группы людей или сообщества могут быть отодвинуты на второй план; или же сформированные культурные нормы одной культуры соразмерны условиям её выживания на определённой территории, но не приемлемы к этой же группе на других территориях, что приводит к послаблению моральных норм и ассимиляции с другими представлениями и реалиями других культур (институт полигинии).

Нереализованные ожидания, связанные с убеждениями о справедливости, вызывающими эмоциональную реакцию, становятся мотивом социальных действий или протестов. Социальные эмоции, возникающие в ответ на несправедливость, имеют более глубокие основания, нежели чем отклонение от нормы или ущерб личным или социальным интересам группы. Если нет подтверждённой в обществе убеждённости в том, что всё справедливо, то мы не можем говорить ни об альтруизме, ни о солидарности.

Справедливость связана с идеологией как формой социально закреплённых моральных убеждений и ценностей сообщества, раскрывающих представления и ценности, аттитюды и утверждения об общественном устройстве мира (через моральные, правовые, социальные системы). Мораль есть в любой идеологии (от политической до религиозной, от классовой до гендерной), определяя и предписывая условия социализации, принципы интерпретации событий, мыслей и чувств в категориях хорошего или плохого, допустимого или ложного, справедливого или незаконного и т. д. В современном дискурсе всё более актуальными становятся вопросы идеологии в отношении искусственного интеллекта, эфтаназии, лич-

ной свободы и коллективной безопасности и т. д., иными словами, идеология включает в себя моральные категории, способствует (или ограничивает) процессам формирования солидарности, групповой идентичности и в конечном счёте социального доверия (человеку или обществу в целом).

Доверие выступает условием моральных связей, благодаря которым формируются условия социокультурной солидарности. На микроуровне благодаря доверию формируются тесные безусловные длительные связи между людьми, выливающиеся в дружбу и семейные отношения. Оно включает особые эмоциональные и поведенческие составляющие в повседневной жизни и проверяется в ситуациях риска и неопределённости. На макроуровне формируются условия для формирования и развития институтов гражданского общества. Благодаря доверию создаётся и поддерживается большинством членов сообществ приемлемый моральный социальный порядок. Если нет доверия, то в конечном счёте тот порядок, который существует, не одобряется большинством, что приводит к социальным аномиям и дезинтеграции, разрушению близких и дальних социальных связей, формирует одиночество на индивидуальном уровне и безразличие на социальном. Таким образом, доверие выступает маяком справедливости как на уровне микро-, так и на уровне макропрактик.

Методология и методы исследования. Мы опираемся на идеи Р. Коллинза и Дж. Тёрнера в том, что социальные процессы и явления макроуровня реализуются в практиках межличностного взаимодействия, формируя социальные связи, представления и рамки, определяющие конкретные условия поведения индивидов в отдельных, локальных сообществах [6]. Это можно проследить и изучить в виде чувства моральной общности, что определяет фундамент человеческих сообществ (по Дюркгейму), порядок взаимодействия (по Гофману), строящегося на общепринятой интерпретации того, что в процессе интеракции считается правильным, естественным, нормальным.

Среди отечественных учёных также имеются исследования в данном ключе. В своей работе мы опирались на подходы, сформированные на процессах конструирования солидарности благодаря опоре на моральные эмоции (О. А. Кармадонов [7], Г. Д. Ковригина [8], О. Б. Молодов [9], О. А. Симонова [10], О. А. Смирнова [11]),

а также работы, посвящённые месту социологии морали в общественном воспроизводстве через призму изучения социально-гуманитарных наук (Т. Ю. Кирилина [12], В. М. Соколов [13], Г. Игнатов [14] и др.).

Вместе с тем в работе мы применяли подходы конструирования морали и её внедрения в повседневные практики, отражённые в исследованиях Г. Абенда [1], Д. Блека [15], А. Даниссимо [2], Дж. Хайд [16; 17], С. Хитлин [18], Дж. Стетс и М. Картера [19].

В обществе конструируются нормы в отношении того, что считают хорошим или плохим, истинным или ложным, правильным или постыдным. На личностном уровне на основе этого строится Я-концепция, в которой собственное Я выступает моральным агентом социальных институтов, позволяющим определять, насколько я хороший или плохой, попадаю в общепринятую норму или нет. То же самое происходит при оценках восприятия Других. В данной работе мы попытаемся воссоздать воздействие моральных значений на индивидуальный выбор, ситуативное поведение в локальной ситуации, определяющее условие и ход осуществляемой интеракции [19; 20].

Материалом для исследования выступили самоотчёты респондентов в их повседневном взаимодействии (дневники, которые они вели на протяжении полугода) и декларировании системы ценностей и норм в групповом обсуждении в формате фокус-группового исследования. В исследовании, проведённом в 2019–2020 гг., приняли участие 165 человек в возрасте от 18 до 70 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, проживающих на территории Иркутской области, занимающих разное социально-профессиональное положение.

Первая часть исследования проходила в 2019 г. и состояла в заполнении дневников о моральном взаимодействии в повседневной жизни. Дневники получили 250 респондентов, в целом их вели 165 человек, чьи материалы использовали для анализа воздействия моральных норм и моральных эмоций на повседневные практики и идеальные представления о них.

Вторая часть исследования проходила в 2020 г. и состояла в проведении серии фокус-групповых дискуссий, в которых приняли участие 54 человека первого этапа (6 фокус-групп по 9 человек), выбранные по принципу случайной выборки для обсуждения особенностей заполнения дневников,

связанных с этим эмоций и тех эмоций, что вызывали сами фиксируемые практики. Каждая фокус-группа формировалась по гендерному, демографическому и социально-статусному соответствию общей выборки. Фокус-группы проводились через платформу Zoom, из-за ограниченности передвижения в условиях пандемии.

В исследовании применялась модель Ш. Шварца для выделения десяти ценностей, определяющих основные категории морали, среди которых: гедонизм, стимуляция, самоуправление, универсализм, благоволение, подчинение, традиция, безопасность, власть, достижение [24] (категория была представлена в конце дневника, который вели респонденты).

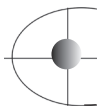
Результаты исследования и их обсуждение. Как показало исследование, у респондентов чёткие представления о существующих в обществе нормах морали, более того, у них имеются собственные моральные ограничения, сформированные под влиянием общих правил. В конкретных ситуациях, они вполне допускают возможность не соблюдать эти нормы, объясняя это нежеланием выделяться на общем уровне («так все поступают»), отстаивать свой личный интерес (эгоистический мотив).

В первом случае можно констатировать симптомы разрушения влияния морали на основные социальные институты, так как отдельные члены, прикрываясь большинством, снимали с себя ответственность за несоблюдение моральных догм. В большинстве случаев они сами признавали несправедливость данного положения, но так как изменить ситуацию в целом не могли, то предпочитали смириться и делать как все.

Во втором случае прослеживался индивидуалистический мотив поведения, основанный на соблюдении не коллективных, а личных интересов, формировании блага и справедливости не для всех, а для конкретных людей (прежде всего себя самого).

Конечно, я знаю, где рамки добра и зла. Но это высокие материи. В реальной жизни надо думать о себе, а не об общем счастье. И если эти мысли идут на грани закона или морали, значит надо делать так, чтобы тебя не поймали. В нашей стране что не запрещено, то разрешено. Вот и пользоваться этим надо, пока есть такая возможность (С. В., 34 года, сетевой бизнесмен).

Чтобы выжить в нашей стране, надо не к нормам морали прислушиваться, а к

логике здравого смысла, позволяющего выживать во враждебной среде. Если сам о себе не подумаешь, то никто о тебе не подумает. Ни сосед, ни государство. Так все живут (О. Р., 53 года, предприниматель).

Выбирая между справедливостью и личным интересом, в 70 % случаев респонденты выбирают второе, признавая правоту и готовность верить в то, что должно быть всё по справедливости.

Повлияла сама страна, правители. Ну нет у нас законов по справедливости, есть по понятиям, есть по выгоде, а справедливость только в книжках есть. Не могу сказать, что детишек этому учить надо, так как в реальной жизни всё не по справедливости, а по силе делается, по праву сильного, а не справедливого (Л. Н., 46 лет, юрист).

Доверие – неоднозначная категория. Несмотря на то что постоянно проводятся мониторинги доверия Президенту, органам власти, бизнесу, которые показывают достаточно высокие проценты в исследуемых процессах, в реальной жизни доверие достаточно размыто в общественном сознании и имеет низкий уровень проявления и оценивания. Говоря о конкретных людях, можно выявить больший или меньший процент доверия, когда же вопрос касается доверия стране, народу, горожанам, тут заметны более критичные и пессимистичные оценки.

Да как можно доверять власти вообще? Там разные люди, но в целом понятно, что туда идут не святые, а те, кто хочет себе что-то урвать. Как им доверять? Доверять никак. Только стараться двигаться с ними на одной воле, чтобы от реализации их интересов и планов что-то перепало и тебе. Или же противостоять им и ничего кроме сомнительной публичности толком не получить (В. А., управляющий холдингом, 51 год).

Обществу нельзя верить. Слишком много всяких ненадёжных товарищей и групп, которые живут своими интересами, целями, задачами. Можно верить отдельным людям – Президенту, Премьеру – тем, кто далеко, а вот тем, кто рядом – начальнику или мэру – верить нельзя. У них всегда свои интересы (В. Б., радиооператор, 35 лет).

Альтруизм является достаточно значимой категорией в оценке социального устройства и формирования общего представления о том, как надо жить. При этом половина респондентов признаёт тот факт,

что сами не всегда поступают с позиции альтруизма, так как это может быть более затратным по времени. Некоторые считают, что необходимо проявлять больше внимания к незнакомым людям, в результате может сформироваться другой образ в глазах окружающих, отличный от того, что сформировался о человеке ранее.

Альтруизм хорош тогда, когда ты не думаешь о куске хлеба. Также как и благотворительность уместна для тех, кому есть что отдавать. Большинство людей живёт вне этих рамок, хотя и признаёт важность и ценность данного поведения и системы взглядов. Но альтруизм не жизнеспособен. Только эгоизм может нам помочь отстаивать свои интересы (С. С., экономист, 39 лет).

Идеи альтруизма, волонтерства, добровольчества хороши сами по себе. На практике все так не могут жить. Это определённый идеал развития социальной среды, в которой всегда будут те, кто её нарушает, кто думает больше о себе, а не о другом. И это нормально. Выживает сильнейший (А. А., программист, 24 года).

Эти идеи проявляются в разных социальных группах, формируя в них групповую идентичность, наполненную своими символами: справедливость есть, но она не достижима в реальной жизни; доверие возможно к конкретным людям (желательно далёким), но не к ситуации, государству, народу вообще; альтруизм хорош как философия, но не как способ жизни, приемлемый для всех.

В ходе исследования нами выявлены поколенческие особенности – справедливость не только как абстрактная категория, но и как применимый на практике постулат может быть реализована для 47,2 % представителей старшего (55 лет и старше), 24,6 % среднего (35–54 года) и 28,2 % младшего поколений (18–34 года).

В высшую справедливость верят 66,3 % женщин и 35,8 % мужчин. В эгоистические установки, управляющие поведением людей, верят 43,8 % женщин и 59,2 % мужчин.

Доверие абстрактное более актуально для представителей старшего и младшего поколений (57,7 и 65,9 % соответственно); для представителей среднего возраста – 23,3 %. Доверие конкретное превалирует у представителей среднего возраста (76,7 %), затем у представителей старшего поколения (42,3 %), у представителей младшего поколения показатель составляет 34,1 %.

Среди женщин всех возрастных групп доминируют те, кто разделяет доверие абстрактное (62,9 %); среди мужчин доминируют представители тех, кто предпочитает доверие конкретное, локальное (68,2 %).

Альтруизм как способ жизни, способствующий улучшению общества, его сплочению и внутренней интеграции, приемлем для младшего поколения в 61,5 % случаев, для среднего – в 21,7 %, для старшего – в 55,5 %.

Альтруизм в виде конкретных актов волонтерства готовы применять в своей жизни 64,4 % женщин и 33,3 % мужчин. Альтруизм как философскую абстрактную категорию, о которой можно порассуждать, не реализуя её на практике, готовы реализовать 35,6 % женщин и 66,7 % мужчин.

Результаты применения методики Шварца, отражённые в таблице, позволили нам выделить ранговое соотношение и соответствие по каждому типу мотивационных ценностей.

Таблица

Средние баллы и ранги ценностей

Ценности	Женщины		Мужчины	
	средний балл	ранг	средний балл	ранг
Безопасность	5,7423	1	4,5865	5
Доброта	5,4321	2	4,1793	10
Конформность	4,8754	3	4,2748	9
Традиции	4,7699	4	4,3864	8
Достижение цели	4,5824	5	5,6652	3
Гедонизм	4,2467	6	4,4338	7
Самостоятельность	3,8352	7	5,7432	2
Универсализм	3,6596	8	4,4328	6
Власть	3,3356	9	5,8965	1
Стимуляция	3,1269	10	5,3275	4

Приведённые в таблице данные показывают, что для женщин высшими ценностями выступают «безопасность», «доброта», «конформность», «традиции», при этом они относятся к «оси консерватизма»; для мужчин – «власть», «самостоятельность», «достижение цели» и «стимуляция», что концентрируется вокруг «оси самовозвышения». На данные распределения влияют как традиционные ценности народов России, так и современные условия распределения обязанностей и общественного устройства большинства социальных институтов.

При этом стоит признать влияние процессов глобализации и происходящих эгалитарных трансформаций общественного уклада. Это приводит к разрушению устоявшихся моральных догм, более свободной их интер-

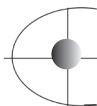
претации и возможности несоблюдения целыми социальными группами. Эти процессы указывают на разрушение старых моральных устоев и формирование или заложение новых принципов социального воспроизводства.

Конечно, я понимаю как должна вести себя настоящая женщина, но жизнь такая, что надо развивать в себе мужские качества – волю, напористость, наглость. Рассчитывать ни на кого нельзя, только на себя. И тут уж не до эталонов женственности (М. А., администратор клуба, 32 года).

Важно себя чувствовать мужчиной, вести себя как мужчина, думать как мужчина, жить как мужчина. Многие сегодня забывают это делать – сидят на шее у мам, жён, любовниц – теряя при этом свою настоящую природу. Но это всего лишь один из сигналов того, что мы живём во времена перемен. Эти перемены касаются морали и отношений мужчины и женщины. Это приведёт к тому, что лет через тридцать совсем другие категории мужественности и женственности будут нами управлять (С. В., спортивный тренер, 42 года).

Эти данные позволяют говорить о противоречивых формах социальной солидарности, которые определяют рамки применимости социологии морали в обычной повседневной жизни. Социальная солидарность строится через просоциальные стратегии взаимодействия, ориентированные на практики и представления справедливости, нормы, формы и инструменты доверия и альтруизма. Когда нарушается или ослабевает один принцип, он запускает цепную реакцию – рушится вся система взаимосвязи между индивидуальными решениями и стратегиями, социокультурными нормами и моральными догмами, регулирующими жизнь отдельных людей и целых сообществ. И именно это мы можем наблюдать в современном обществе.

В ходе исследования было установлено, что Я выступает связующим звеном между индивидуальным, социокультурным и моральным. В своём повседневном поведении человек всегда ориентируется на нормы и ценности того сообщества, в которое он включён, он их интернализирует и транслирует обратно в виде своих поступков, суждений и оценок. Это либо находит подтверждение в просоциальных практиках поведения (выраженных в социальной эмпатии и альтруизме), либо остаётся на уровне эгоистических или индивидуалистических представлений собственного развития.

Декларируемая моральная ценность может расходиться с реальным действием, поступком, мыслью и чувством в реальности, так как конкретные обстоятельства накладывают свой отпечаток на те ценности и представления, что кажутся нам правильными и приемлемыми. Ситуативные факторы как правило активнее влияют на поведение индивида, целой группы или сообщества, чем воздействие общих моральных культурных кодов, что может быть как результатом иррационального мышления [1] или духовных исканий [9], так и влиянием догм [10; 14; 21].

Анализируя самоотчёты и беседуя с участниками опроса после заполнения ими дневников в первой части исследования, мы пришли к выводу о том, что основной трудностью для респондентов выступала фиксация акта или действия, мысли или чувства о доброте, справедливости, альтруизме – всего того, что вызывало моральные эмоции и могло быть отнесено к морали как к догме или как к потребности самовыражения или самореализации. Респондентам сложно было их вычленять из рамок обыденной жизни, фиксировать на них внимание. После дополнительной концентрации это всё-таки удавалось, и в своей массе фокус внимания на морали и моральных эмоциях был достаточно высок. Это позволяет утверждать, что моральные догмы регулируют каждый наш шаг в обыденной жизни, но в силу отсутствия привычки рефлексии, осознанности мы не замечаем того, что именно влияет на наши мысли, решения, поступки. Участники исследования, согласившись на участие в опросе, запустили новые нейронные связи в виде фиксации своего внимания на тех аспектах жизни, что ранее ими воспринимались как обычные и обыденные. Моральные догмы, регулирующие их жизнь, стали для многих инсайтом.

Обобщая доленое соотношение зафиксированных практик, можно утверждать, что когнитивное принятие решений, обдумывание идей о справедливости, доверии, альтруизме и других моральных категориях регулярно присутствует у трети респондентов (32,3 %). Аффективное подключение (эмоциональная вовлечённость) к указанным практикам присутствует у 49,6 % респондентов. Готовность лично вовлечься в практики отстаивания справедливости, увеличения доверия или проявления альтруизма проявляется у 18,1 % респондентов.

Большинство людей живут не абстрактными категориями справедливости или бла-

га, а конкретным пониманием справедливости, добра, зла. Люди не готовы бороться за абстрактное счастье или светлое будущее, им важны осязаемые вещи (свой дом, работа, семья); они способны совершать поступки, меняющие не только их собственную жизнь, но и жизнь их окружения.

Опираясь на идею о том, что человек – существо моральное, принимаем во внимание, что его основной потребностью будет получение морального удовлетворения (социального одобрения его поступков, мыслей и чувств) в референтной для него группе и общепринятых моральных норм. Соответственно, справедливость, доверие и солидарность выступают условием закрепления или разрушения морали.

Заключение. Представления о справедливости, морали, альтруизме для большей части участников исследования имеют локальный характер. Их проявление в обычных повседневных практиках позволяет отмечать общие представления о морали, должном, поступке, своих интересах или интересах большинства, при этом не соответствующих нормам морали.

Выбор, который делает человек каждый день, определяет, какие нормы и ценности будут управлять его решениями в будущем. Каждый закладывает варианты своего будущего через каждодневный выбор микро-практик или конкретного поведения в локальной ситуации.

Для большей части участников исследования мораль хороша как императив, но не как практический инструмент поведения. Это означает, что всем известные и общеприменимые нормы морали в настоящее время теряют свою несокрушимость. Мораль меняется. Трансформируются нормы и устои допустимого или недопустимого, истинного и ложного, расширяются как личные, так и социальные границы приемлемого поведения и мышления. Это означает смену парадигм мышления, образа жизни, мировоззрения и ценностей обывателей.

Методика Шварца позволила определить те ценности, что формируют основные условия развития социальной реальности, обусловленные как традиционными ценностями распределения ролей между мужчиной и женщиной, так и эгалитарными тенденциями, связанными с виртуализацией и глобализацией мира, что меняет представление о морали.

Как показало наше исследование, изучение вопросов социологии морали требует междисциплинарного подхода, освещения разных сторон социальной реальности, обращения к ситуациям, влияющим на моральные нормы и ценности сообщества. При этом не стоит забывать о моральном плюрализме как единственном условии выживания многих, так как в истории уже неоднократно повторялись примеры того, что солидарность большинства выливалась в травлю, а порой и уничтожение меньшинства; процветание для всех невозможно,

поэтому идеи позитивной психологии также ограничены рамками представлений социальных групп.

Социология морали позволяет с одной стороны разграничить, а с другой – подчеркнуть механизмы связи конструирования моральных представлений на макроуровне и их реализации через подтверждение или разрушение моральных эмоций на микроуровне. Повседневные социальные практики и идеальные представления должного в современном обществе далеко не всегда совпадают.

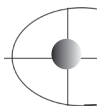
Список литературы

1. Abend G. Two main problems in the sociology of morality // *Theory and Society*. 2008. Vol. 37, no. 2. Pp. 87–125.
2. Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, sorrow and the feeling brain*. Orlando (FL): Harcourt, 2003. 420 p.
3. Smith Ch. *Moral, believing animals: Human personhood and culture*. New York: Oxford University Press, 2003. 342 p.
4. *Sources of the self: The making of modern identity* / ed. by Ch. Taylor. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1989. 228 p.
5. Skitka L. J., Bauman C. W., Mullen E. *Morality and justice: An expanded theoretical perspective and empirical review* // *Advances in group processes*. Bingley. 2008. Vol. 25, no. 1. Pp. 1–27.
6. Turner J. H., Stets J. E. *Moral emotions* // *Handbook of the sociology of emotions* / ed. by J. H. Turner, J. E. Stets. New York: Springer, 2006. Pp. 544–566.
7. Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 17–25.
8. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. *Ресурсы социокультурной консолидации российского общества: монография*. Иркутск: ИГУ. 2017. 184 с.
9. Молодов О. Б. *Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона* // *Проблемы развития территории*. 2016. Вып. 2. С. 82–97.
10. Симонова О. А. *Моральные эмоции и социальные объединения* // *Социально-культурные практики сплочённости в современных обществах* / под общ. ред. Н. Е. Покровского, М. А. Козловой. М.: Университетская книга, 2015. Гл. 7. С. 137–155.
11. Смирнова О. А. *Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: основные направления исследований* // *Социологический ежегодник*. 2011. № 1. С. 95–142.
12. Кирилина Т. Ю. *Место социологии морали в системе общественных наук* // *Социально-гуманитарные знания*, 2008. № 6. С. 91–95.
13. Соколов В. М. *Социология морали – реальная или гипотетическая?* // *Социологические исследования*. 2004. № 8. С. 78–88.
14. Ignatow G. *Culture and embodied cognition: Moral discourses in Internet support groups for overeaters* // *Social forces*. Chapel Hill (NC). 2009. Vol. 88, no. 2. Pp. 643–669.
15. Black D. *Moral time*. New York: Oxford University Press, 2011. 376 p.
16. Haidt J. *Morality* // *Perspective on psychological science*. Malden (MA) 2008. Vol. 3, no. 1. Pp. 65–72.
17. Haidt J. *The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgement* // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108, no. 4. Pp. 814–834.
18. Hitlin S. *Social psychological ingredients for a sociology of morality* // *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity* / ed. by V. Jeffries. L.: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 195–216.
19. Stets J. E., Carter M. J. *A theory of the self for the sociology of morality* // *American sociological review*. Menasha (WI), 2012. Vol. 77, no. 1. Pp. 120–140.
20. Schwartz S. H., Bilsky W. *Toward a psychological structure of human values* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53, no. 3. Pp. 550–562.

Статья поступила в редакцию 14.04.2021; принята к публикации 20.05.2021

Сведения об авторе

Полушкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 3; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Библиографическое описание статьи

Полюшкевич О. А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58.

References

1. Abend, G. Two main problems in the sociology of morality. *Theory a. society*. Amsterdam, no. 2, pp. 87–125, 2008. (In Engl.)
2. Damasio, A. *Looking for Spinoza: Joy, sorrow and the feeling brain*. Orlando (FL): Harcourt, 2003. (In Engl.)
3. Smith, Ch. *Moral, believing animals: Human personhood and culture*. N.Y: Oxford univ. press, 2003. (In Engl.)
4. *Sources of the self: The making of modern identity* / ed. by Ch. Taylor. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1989. (In Engl.)
5. Skitka, L. J., Bauman C. W., Mullen E. *Morality and justice: An expanded theoretical perspective and empirical review*. *Advances in group processes*. Bingley, no. 1, pp. 1–27, 2008. (In Engl.)
6. Turner, J. H., Stets J. E. *Moral emotions*. *Handbook of the sociology of emotions* / Ed. by J. H. Turner, J. E. Stets. N.Y: Springer, 2006: 544–566. (In Engl.)
7. Karmadonov, O. A. Norms and empathy as factors of social transformations. *Sociological research*, no. 4, pp. 17–25, 2012. (In Rus.)
8. Karmadonov, O. A., Kovrigina, G. D. *Resources of the socio-cultural consolidation of the Russian society*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2017. (In Rus.)
9. Molodov, O. B. Social consolidation in a new reality: the problem of social activity and identity of the population of the region. *Problems of the development of the territory*, no. 2, pp. 82–97, 2016. (In Rus.)
10. Simonova, O. A. *Moral emotions and social associations // Socio-cultural practices of cohesion in modern societies / under total*. ed. N. E. Pokrovsky, M. A. Kozlova. M: University book, no. 7, pp. 137–155, 2015. (In Rus.)
11. Smirnova O. A. Modern sociology of emotions and the problem of social solidarity: the main directions of research. *Sociological Yearbook*, no. 1, pp. 95–142, 2011. (In Rus.)
12. Kirilina, T. Yu. The place of moral sociology in the system of social sciences. *Social and humanitarian knowledge*, no. 6, pp. 91–95, 2008. (In Rus.)
13. Sokolov, V. M. Sociology of morality – real or hypothetical. *Sociological research*, no. 8, pp. 78–88, 2004. (In Rus.)
14. Ignatow, G. *Culture and embodied cognition: Moral discourses in Internet support groups for overeaters*. *Social forces*. Chapel Hill (NC), no. 2, pp. 643–669, 2009. (In Engl.)
15. Black, D. *Moral time*. N. Y: Oxford univ. press, 2011. (In Engl.)
16. Haidt, J. *Morality. Perspective on psychological science*. Malden (MA), no. 1, pp. 65–72, 2008. (In Engl.)
17. Haidt, J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological rev. Wash*, no. 4, pp. 814–834, 2001. (In Engl.)
18. Hitlin, S. *Social psychological ingredients for a sociology of morality*. *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity* / ed. by V. Jeffries. L: Palgrave Macmillan, 2014: 195–216. (In Engl.)
19. Stets, J. E., Carter, M. J. A theory of the self for the sociology of morality. *American sociological rev. Menasha (WI)*, no. 1, pp. 120–140, 2012. (In Engl.)
20. Schwartz, S. H., Bilsky, W. Toward a psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 3, pp. 550–562, 1987. (In Engl.)

Received: April 14, 2021; accepted for publication May 20, 2021

Information about author

Polyushkevich Oksana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State University; 3 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Reference to the article

Polyushkevich O. A. Modern Reading of the Sociology of Morality // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 50–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58.